

Украинский институт национальной памяти

Владимир Василенко

ГОЛОДОМОР 1932–1933 ГОДОВ В УКРАИНЕ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ГЕНОЦИДА

Правовая оценка



Киев

«Видавництво імені Олени Телігі»

2009

Василенко В.

В 35 Голодомор 1932–1933 годов в Украине как преступление геноцида: правовая оценка. — К.: «Видавництво імені Олени Теліги», 2009. — 48 с.

ISBN 978-966-355-030-5

В книге раскрыты узловые вопросы оценки геноцидного характера Голодомора 1932–1933 годов в Украине в свете Конвенции ООН 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Основное внимание обращено на обоснование наличия намерения тоталитарного коммунистического режима частично уничтожить украинских крестьян как представителей украинской нации, которая в то время состояла на 90 процентов из сельского населения. Раскрыт механизм осуществления Голодомора, подняты вопросы ответственности его идеологов, организаторов, заказчиков и исполнителей. Обосновывается необходимость формально-юридической оценки Голодомора компетентным судебным органом Украины для выяснения всех его обстоятельств и негативных последствий.

ББК ТЗ (4УКР) 621-209

Введение

С каждым годом правда о Голодоморе 1932–1933 гг. в Украине все больше распространяется среди украинского и мирового сообществ. Сегодня не вызывает сомнения, что тогда сталинский тоталитарный режим совершил жестокое преступление против украинской нации, вследствие которого миллионы украинских крестьян были выморены искусственно организованным голодом.

Постепенно предметом углубленного изучения становится более широкий круг вопросов, связанных с причинами, мотивами, обстоятельствами, механизмами и последствиями Голодомора. В результате в корпусе исследований этой ужасной трагедии уменьшается количество белых пятен и спорных проблем. Тем не менее, длится и, как мне кажется, приобретает интенсивность дискуссия вокруг вопроса квалификации Голодомора геноцидом.

Некоторые исследователи, политологи и политики как в Украине, так и за ее пределами, определяя преступный характер Голодомора, не считают его преступлением геноцида, несмотря на принятие в 2006 г. Верховной Радой Украины Закона о Голодоморе 1932–1933 гг. в Украине. Они аргументируют свою позицию тем, что в то время на безграничных просторах Страны Советов от голода массово гибли не только украинские крестьяне, и потому, дескать, нет смысла выделять геноцидный характер украинского Голодомора.

Такая постановка вопроса игнорирует национальное измерение украинского Голодомора, на которое аргументировано указывают многие исследователи, в частности такие авторитетные, как Роберт Конквест, Джеймс Мейс и Андреа Грациози.

Геноцид и преступления против человечности

Даже если рассматривать массовое убийство украинских крестьян искусственно организованным голодом вне национального контекста, такое уничтожение также является тяжким международным преступлением или преступлением против человечности.

В связи с этим подчеркиваем, что для юридической оценки и осуждения убийства крестьян голодом не стоит изобретать новые термины, такие как «демоцид», «социоцид» или «классоцид», а нужно лишь знать и уметь применять международное право, где, кроме геноцида, есть категория преступлений против человечности, среди которых выделяется истребление. В международном праве под истреблением понимают сознательное широкомасштабное или систематическое убийство значительного количества гражданского населения, в частности и путем лишения его доступа к продуктам питания и лекарствам.

Геноцид и истребление являются самыми тяжкими международными преступлениями в соответствии с общепризнанными обычными нормами международного права, которые нашли отражение в международных договорах, в частности в Конвенции ООН 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, и в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г.

В Римском статуте в отдельной ст. 6 воспроизведен состав преступления геноцида, так как он зафиксирован в Конвенции ООН 1948 г., а в ст. 7 дается перечень иных международных преступлений под общим названием «преступления против человечности», к которым отнесено и истребление (часть 1 § b).

Таким образом, геноцид не является единственным международным преступлением или преступлением против человечности, а одним из них. Тем не менее, это преступление выделяется среди других особым характером, правовой спецификой и последствиями. Поэтому в доктрине международного права геноцид называют «преступлением преступлений» (*crime of the crimes* — англ., *crime des crimes* — фр.).

Особенность социально-правовой природы геноцида состоит в том, что это преступление направлено на уничтожение национальных, этнических, расовых или религиозных групп как таковых, то есть групп, которые являются главнейшими базовыми цивилизационными элементами структуры человечества. Уничтожение этих элементов противоречит принципу разнообразия мира в его

цивилизационно-планетарном измерении и представляет опасность не только для отдельных людей и сообществ, но и для человечества в целом.

Общим для геноцида и других преступлений против человечности является то, что их совершение влечет за собой широко-масштабные или систематические нарушения естественных прав и основополагающих свобод человека и является основанием для ответственности виновных государств, должностных и частных лиц в соответствии с нормами национального и международного права.

Надеюсь, что сегодня ни у одного непредубежденного человека, который имеет хоть каплю совести и человеческого сочувствия, не возникает сомнений относительно правомерности оценки целенаправленного убийства голодом миллионов украинских крестьян в 1932–1933 гг. как преступления против человечности под названием «истребление». Следовательно, массовое уничтожение украинцев, которое произошло тогда, является тяжким международным преступлением, независимо от того, квалифицировать его как геноцид или как истребление.

Однако почитание памяти жертв Голодомора, элементарное чувство справедливости и человеческая солидарность требуют надлежащей юридической оценки нашей национальной трагедии в свете положений Конвенции ООН 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Характерные признаки геноцида

В исследованиях, посвященных Голодомору, довольно часто встречаются сетования на несовершенство правового определения понятия «геноцид» и недостатки Конвенции 1948 г. (В. Марочко, Е. Захаров), а иногда — и упреки, что юридическим нормам, сформулированным в этом документе, отвечал лишь Холокост времен Второй мировой войны и что эти нормы «не давали 100-процентной гарантии на идентификацию всех случаев массового уничтожения людей как геноцида» (С. Кульчицкий). Такие оценки Конвенции 1948 г. ошибочны, по крайней мере, по двум соображениям.

Во-первых, нормы этого документа не рассчитаны на квалификацию всех случаев массового уничтожения людей как геноцида.

В соответствии со ст. II Конвенции, геноцидом считаются преступные действия, направленные против любой национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой, а не просто случаи массового уничтожения людей. Как уже отмечалось, массовое уничтожение людей представляет отдельное международное преступление под названием «истребление».

Во-вторых, хотя нормы Конвенции 1948 г. и были сформулированы под влиянием трагических событий времен Второй мировой войны, они являются нормами общего международного права и рассчитаны на квалификацию актом геноцида всех случаев преступных действий, которые отвечают юридическим критериям, определенным этим документом и лишь этим документом.

Независимо от нашего отношения к последствиям известных перипетий в ходе ее разработки, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него в том виде, в каком она была подписанная 9 декабря 1948 г., является аутентичным и действующим международно-правовым актом. Ни одно государство и международное сообщество в целом не ставят под сомнение правокачественность Конвенции 1948 г. Это, в частности, было убедительно подтверждено через 50 лет после ее подписания, когда ст. II Конвенции, в которой раскрыто содержание состава преступления «геноцид», была, в сущности, дословно воспроизведена в ст. 6 Римского статута Международного уголовного суда.

В свете изложенного контрпродуктивными являются попытки самочинной интерпретации положений Конвенции 1948 г. с целью «улучшения» ее качества или приспособления к специфике «механизма советского геноцида». В рамках такого подхода некоторые исследователи придерживаются тезисов, которые, вопреки их добрым намерениям, с юридической точки зрения, создают основания для отрицания геноцидного характера Голодомора.

С другой стороны, недопустимыми являются попытки отрицания геноцидного характера Голодомора путем сознательного искажения содержания положений Конвенции 1948 г. как исследователями, политиками и политологами, так и официальными представителями тех или иных государств.

В соответствии с принципами права международных договоров Конвенцию 1948 г. нужно воспринимать такой, какой она есть, и применять ее нормы для квалификации любых преступных деяний геноцидом геноцида в четком соответствии лишь с определенными ею критериями, а не с теми критериями, которые кому-то за-

хотелось использовать, поскольку они вписываются в рамки его/ее субъективного видения и являются для них удобными.

Суть преступления «геноцид» изложена в формуле начальной части ст. II Конвенции 1948 г., в соответствии с которой «геноцид означает... акты, совершенные с намерением уничтожить, полностью или частично, любую национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». В доктрине и практике международного права общепризнанным является понимание того, что для квалификации преступных деяний геноцидом необходимо доказать наличие у субъекта преступления специального намерения (*dolus specialis*) уничтожить лишь определенную в Конвенции группу и направленность его преступного поведения против определенной группы как таковой.

Действия, которые не имеют всех упомянутых признаков, не могут называться преступлением геноцида, даже если их последствием является истребление других человеческих групп. Геноцид отличается от истребления, во-первых, качеством намерения, а не количеством жертв, во-вторых, направленностью не против людей вообще, а против четко очерченного круга разновидностей человеческих групп, в-третьих, нацеленностью не против отдельных членов таких групп, а против групп как таковых.

Иначе говоря, для геноцида характерным является то, что члены определенных в Конвенции 1948 г. групп уничтожаются, частично или полностью, из-за их принадлежности к таким группам.

Решающим и критическим для юридической оценки того или иного поведения геноцидом является установление специального намерения уничтожить определенную группу и доказательство того, что это намерение касалось именно этой национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой, а не поиски ответа на вопрос, почему, по каким причинам и мотивам, где и когда было содеяно преступление или относительно так называемого количественного порога, то есть численности жертв преступления. Вместе с тем следует подчеркнуть, что ответы на эти вопросы важны как для установления специального намерения, так и для выяснения других обстоятельств преступления, в частности его направленности против определенной группы, определенной Конвенцией 1948 г. В связи с этим необходимо высоко оценить исследования таких украинских историков, как В. Васильев, С. Кульчицкий, В. Марочко, Ю. Мыцик, Р. Пыриг, В. Сергейчук, Е. Шаталина, Ю. Шаповал и многих других, многочисленные исследования

которых являются надежной фактологической базой для квалификации голода 1932–1933 гг. в Украине преступлением геноцида. Нельзя не вспомнить также подвижнический труд светлой памяти Дж. Мейса и В. Маняка.

Наличие намерения сталинского режима организовать Голодомор в Украине

Для доказательства геноцидного характера Голодомора необходимо прежде всего доказать наличие намерения сталинского тоталитарного режима организовать искусственный голод в Украине. Противники квалификации Голодомора как преступления геноцида задают вопрос, было ли это намерение зафиксировано документально, существовал ли заранее разработанный план, который бы его подтверждал, и отвечают: «Исследователями не найдено еще ни одного постановления Советского правительства и ЦК партии, которые приказывают убить с помощью голода определенное количество украинских или других крестьян» (российский ученый В. Кондрашин).

В связи с этим следует подчеркнуть: Конвенция 1948 г. не предусматривает, что непременно следует предъявить документ о плане преступления или намерении его осуществить, а требует лишь доказательства такого намерения.

Документ, в котором был бы изложен план уничтожения украинских крестьян с помощью голода, вряд ли будет обнаружен. Учитывая укоренившуюся в ментальности большевистского руководства склонность к конспирации и его стремление скрыть чудовищно преступную и нечеловеческую акцию, наличие такого документа в принципе проблематично. Даже в фашистской Германии, где существовала официально одобренная расистская доктрина, геноцидная акция против евреев происходила под прикрытием эвфемизма «окончательное решение еврейского вопроса».

Сегодня противники признания украинского Голодомора геноцидом соглашались с тем, что голод в Украине и других частях СССР был порожден своевольным изъятием у крестьян выращенного ими урожая и других сельскохозяйственных продуктов на основе чрезмерных хлебозаготовительных планов, устанавливаемых государством по решениям высших партийных органов. Реализа-

ция таких планов неминуемо обрекала село на голодную смерть. Следовательно, планирование чрезмерного изъятия у крестьян произведенной ими сельхозпродукции равнозначно планированию Голодомора. Таким образом, можно утверждать: план уничтожения украинских крестьян был замаскирован под чрезмерные планы хлебозаготовок.

Все чрезмерные планы хлебозаготовок выполняли преступные функции, но только хлебозаготовительные планы 1932 и 1933 гг. стали планами геноцидного уничтожения украинского крестьянства.

В 1926 году — последнем году свободной продажи-покупки сельскохозяйственной продукции — государство заготовило в Украине 3,3 млн. т зерна. После внедрения централизованного и управляемого из Москвы планирования хлебозаготовок квота для Украины на 1928 г. составляла 4,4 млн. т зерна, а для всего Союза — 10,5 млн. т. Плановые квоты хлебозаготовок 1930 г. были увеличены почти вдвое: для Украины они составляли 7,7 млн. т, а для всего Союза — 20 млн. т.

Радикальное повышение квот хлебопоставок произошло в условиях, когда вследствие политики раскулачивания и насильственной коллективизации старая традиционная система земледелия была разрушена, а новая еще не была создана. В первый колхозный год Украина выполнила хлебозаготовительный план благодаря благоприятным погодным условиям в 1930 г. и чрезвычайно высокому урожаю — 23 млн. т зерна. Впрочем, выполнение плана сопровождалось большими потерями зерна, а главное, крестьян лишили обычных запасов, которые они традиционно делали для обеспечения своей жизнедеятельности.

Игнорируя потребности крестьян, кремлевское руководство, ошибочно убежденное, что успешная реализация плана хлебозаготовок в 1930 г. была достигнута благодаря «преимуществам колхозного строя», утвердило новый чрезмерный план хлебозаготовок и на следующий 1931 г.: Украина должна была вновь поставить 7,7 млн. т зерна, а остальные республики Союза — 21,4 млн. т.

Выполнение в Украине хлебозаготовительного плана 1931 г. происходило с большим напряжением и сопровождалось изъятием максимально возможных объемов хлеба как у колхозов, так и у единоличников, поскольку урожай зерновых был значительно ниже прошлогоднего и составлял 18,3 млн. т.

Украина не выполнила полностью план хлебозаготовок (вместо запланированных 7,7 млн. т зерна было собрано 7 млн. т), но из села снова вывезли большие объемы хлеба, вследствие чего уже в 1931 г. во многих районах Украины из-за недостатка продовольствия началось голодание и даже были случаи голода.

В отчете секретно-политического отдела ОГПУ, относящемся к концу 1931 г. – началу 1932 г., констатировалось: «В ряде населенных пунктов (Харьковской, Киевской, Одесской, Днепропетровской, Винницкой областей) УССР наблюдаются продзатруднения и случаи голодания колхозных семейств». В тогдашних официальных документах нет упоминаний о голоде. Зато используются эвфемизмы «прodzатруднения» и «голодание».

Планируя и осуществляя хлебозаготовки 1930–1931 гг., большевистское руководство, вероятнее всего, еще не имело намерения устраивать голод. Его цель заключалась тогда не в уничтожении украинских крестьян и крестьян в других регионах СССР, а в накоплении больших централизованных запасов хлеба и иных сельхозпродуктов, необходимых для получения валютных поступлений и использования их для индустриализации СССР, создания мощного военно-промышленного комплекса, модернизации и вооружения Красной армии с целью будущих «освободительных походов» и силового распространения коммунизма в мире.

Голодание и голод, первые признаки которого появились еще в конце 1931 г. и который стал распространяться в Украине и других регионах СССР в начале 1932 г., следует квалифицировать как результат преступной халатности коммунистического руководства. Его действия имели признаки этого преступления, поскольку оно должно было предвидеть опасные последствия реализации чрезмерных планов хлебозаготовок.

Вместе с тем не вызывает сомнения, что большевистское руководство не могло не осознавать: систематическое продолжение беспредельной грабительской практики хлебозаготовок из-за навязывания таких планов вызовет широкомасштабный голод и обречет миллионы крестьян на голодную смерть.

По сравнению с 1930–1931 гг. хлебозаготовительные планы для Украины на 1932 и 1933 гг. предусматривали некоторое понижение квоты поставок — 5,8 млн. т ежегодно. Тем не менее, они оказались непосильными, поскольку в предыдущие годы потенциал села был существенно подорван. Их утверждение стало равнозначным утверждению планов уничтожения украинских крестьян.

Следовательно, началом спланированного сталинским режимом Голодомора в Украине следует считать начало реализации плана хлебозаготовок на 1932 г. В свете изложенного ошибочным является утверждение, что Голодомор, который приобрел признаки геноцида, начался в Украине в 1933 г. По-видимому, основанием для подобного вывода является презумпция наличия определенного количественного порога числа жертв геноцида. Такая презумпция ошибочна, поскольку Конвенция 1948 г. не определяет количественных параметров преступления. Ведь гипотетически нетрудно представить случаи, когда количество жертв геноцида может быть довольно ограниченным и насчитывать даже не тысячи, а сотни людей, например при уничтожении небольшого племени или народности.

Убийство голодом происходило в Украине и на Кубани как до 1933 г., так и в 1933 г. Различие состоит только в масштабах преступления. Если в течение 1932 г. голодом были выморены сотни тысяч людей, то в 1933 г. счет шел на миллионы. Но и в 1932 г., и в 1933 г. в Украине и на Кубани, в отличие от других регионов СССР, где от голода также погибло немало людей, голод был актом геноцида, поскольку он был специально направлен против украинской нации как таковой.

В критической ситуации, сложившейся в Украине, цивилизованная альтернатива выхода из кризиса состояла в кардинальном пересмотре чрезмерных планов хлебозаготовок, прекращении варварского уничтожения села, объявлении голодающих районов зонами гуманитарного бедствия и предоставлении им срочной широкомасштабной помощи.

Вместо этого сталинский тоталитарный режим не только не отказался от реализации чрезмерных планов хлебозаготовок, но и применил по отношению к украинскому селу беспрецедентные репрессии, направленные на обеспечение их безоговорочного выполнения и сопровождавшиеся лишением крестьян всех продуктов питания.

В соответствии с приказами и директивами кремлевского руководства Постановлениями ЦК КП(б)У от 18 ноября 1932 г. и СНК УССР от 20 ноября 1932 г. за неудовлетворительное выполнение графиков хлебозаготовок, неправильное использование хлеба и его хищение, созданные в колхозах натуральные фонды перечислялись в фонды хлебозаготовок, запрещалось выдавать натуравансы, изымались натуравансы хлеба на трудодни, устанавливались

натуральные штрафы в размере 15 месячных норм сдачи колхозом мяса как обобществленного скота, так и скота колхозников.

Расширительное толкование этих постановлений исполнителями давало возможность не ограничиваться введением только мясных натуральных штрафов, но изымать и другие продукты питания (картофель, фасоль, лук, капусту и т. п.) под предлогом борьбы за выполнение планов хлебозаготовок.

Постановлением СНК УССР и ЦК КП(б)У от 6 декабря 1932 г. утверждалось занесение на «черную доску» сел, злостно саботирующих хлебозаготовки. Режим наказания занесенных на «черную доску» сел включал: прекращение доставки в такие села товаров и изъятие из соответствующих кооперативных и государственных магазинов всех товаров, имеющихсся в наличии; полное прекращение кооперативной и государственной торговли на местах; полный запрет колхозной торговли как для колхозников, так и для единоличников; прекращение всех видов кредитования и преждевременное взыскание кредитов и исполнение других финансовых обязательств; репрессии против всяческих чуждых, вражеских и контрреволюционных элементов.

На основании этого и других подобных постановлений на «черную доску» были занесены сотни украинских сел. И даже сплошные районы. Их жители оказывались в своеобразных «гетто», лишались элементарных предметов повседневного быта, становились жертвами специальных финансовых санкций и избирательных политических репрессий. После выполнения хлебозаготовительных планов 1930–1931 гг. в украинском селе практически не было запасов зерна, и это подтверждали результаты многочисленных обысков и рейдов, во время которых изымались мизерные, с точки зрения плановых государственных квот, объемы зерна. Несмотря на это, Сталин 1 января 1933 г. телеграммой за собственной подписью направляет украинскому руководству Постановление ЦК ВКП(б), которое стало своеобразным сигналом к продолжению массовых обысков и изъятию остатков продовольствия в украинских колхозах, у колхозников и единоличников.

Широкое применение чрезвычайно жестких и жестоких репрессивных методов выполнения чрезмерных планов хлебозаготовок и лишение крестьян всех запасов продовольствия является убедительным доказательством намерения тоталитарной власти вызвать голод в Украине и использовать его как орудие для целенаправленного уничтожения украинского крестьянства как части украинской нации.

Анализ поведения коммунистического руководства дает возможность выявить ряд косвенных доказательств, убедительно подтверждающих наличие такого намерения.

Во-первых, в разгар Голодомора украинским крестьянам было запрещено выезжать за пределы Украины. Запрет обеспечивался размещением на границах УССР и на железнодорожных станциях воинских частей и подразделений ГПУ. В соответствии с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 22 января 1933 г., органы власти были обязаны «не допускать массового выезда крестьян с Северного Кавказа в другие края и въезд в край из Украины», а также «массового выезда из Украины в другие края и въезд на Украину с Северного Кавказа». Этот запрет сознательно лишал голодающих крестьян возможности приобрести необходимые для спасения продукты питания вне пределов пораженной голодом территории Украины, обрекая их на голодную смерть.

Во-вторых, систематические и жестокие репрессивные меры применялись к тем партийным и советским руководителям всех уровней, которые высказывали несогласие с чрезмерными планами хлебозаготовок и стремились помочь голодающим крестьянам путем выделения им продуктов питания из колхозных фондов.

В-третьих, в государственных резервах Неприкосновенного и Мобилизационного фондов были накоплены довольно большие объемы зерна, но этот ресурс не был использован для оказания помощи голодающей Украине. В обоих фондах на 1 января 1932 г. хранилось 2,033 млн. т зерна, а на 1 января 1933 г. — 3,034 млн. т. Этого количества зерна вполне хватило бы для обеспечения хлебным rationом (при дневной норме 1 кг) до нового урожая 10 млн. человек в 1932 г. и 15 млн. человек в 1933 г.

В-четвертых, огромные объемы зерна и других продуктов питания, произведенных в Украине, экспортировались за ее пределы — в другие регионы СССР и за границу, в то время как миллионы украинских крестьян были лишены еды и умирали голодной смертью. Из Советского Союза было экспортировано 5,8 млн. т зерна в 1930 г., 4,8 млн. т — в 1931 г., 1,6 млн. т — в 1932 г. и 1,8 млн. т — в 1933 г.

Не вызывает сомнения, что ограничение зернового экспорта в 1931 г., в конце которого в Украине уже возникли серьезные продовольственные осложнения, повлекло распространение голодания и даже появление первых признаков голода. Прекращение экспорта зерна в 1932–1933 гг. могло бы предотвратить возникно-

вание голода. Причем такой шаг не был критическим для реализации планов советской индустриализации. Дело в том, что в этот период упали мировые цены на пшеницу и, соответственно, уменьшились валютные поступления от ее экспорта. В 1932–1933 гг. стоимость экспортированного хлеба составляла только 369 млн. руб. В то время как от экспорта лесоматериалов и нефтепродуктов было получено почти 1 млрд. 570 млн. руб.

В-пятых, сталинский тоталитарный режим провозгласил голод в Украине несуществующим явлением и на этом основании отказывался от помощи, предлагаемой многочисленными неправительственными организациями, в частности заграничными украинскими общинами. Ее получение содействовало бы если не предотвращению трагедии, то серьезному уменьшению ее масштабов. Политика отрицания Голодомора и отказ от международной гуманитарной помощи является убедительным дополнительным свидетельством намерения режима использовать голод для уничтожения украинского крестьянства как части украинской нации.

Следовательно, коммунистическая власть имела достаточно ресурсов и возможностей для предотвращения Голодомора в Украине и голода в других регионах СССР. Но эти ресурсы использованы не были. Вместо этого в Украине была сознательно задействована продуманная система репрессивных мер по лишению крестьян всех продуктов питания и прекращению их доступа к пище, поскольку кремлевское руководство намеревалось использовать искусственный голод в качестве орудия геноцидного уничтожения.

Подтверждением искусственного характера Голодомора 1932–1933 гг. и сознательного использования его как инструмента уничтожения украинских крестьян является продемонстрированная сталинским тоталитарным режимом способность «контролировать голод». С середины 1933 г. смертность от голода в Украине начала снижаться, и он прекратился в следующем году, хотя урожай в 1934 г. составлял только 12,3 млн. т и был намного ниже, чем урожай 1932–1933 гг., которые суммарно составляли 36,9 млн. т.

Первым шагом в направлении прекращения репрессивного изъятия продовольствия у крестьян стала тайная директива-инструкция от 8 мая 1933 г. за подписями Сталина и Молотова, адресованная «всем партийно-советским работникам, органам ОГПУ, суда и прокуратуры». Этот документ ориентировал на прекращение массовых репрессий: «Наступил момент, когда у нас уже нет потребности в массовых репрессиях, которые, как известно, касаются не толь-

ко кулаков, но и единоличников и части колхозников». Поскольку обессиленные голодом и изолированные в своих селах крестьяне уже не составляли угрозы режиму, директива предусматривала прекращение массовых выселений, «упорядочение» арестов и «разгрузку» мест заключения.

Во второй половине 1933 г. – в начале 1934 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР одобрили ряд постановлений, направленных на улучшение условий труда и жизни в колхозах. Эти акты, в частности, предусматривали отказ от нереалистических квот хлебозаготовок и необоснованных методов изъятия зерна, установление нового порядка выдачи авансов за участие в уборочных работах (10 июня 1933 г.), нормативное закрепление права колхозников иметь корову, мелкий скот и птицу (20 июня 1933 г.), запрет дополнительных встречных планов колхозам, выполнившим установленные плановые задания (2 августа 1933 г.), предоставление помощи не имеющим коров колхозникам в приобретении их (10 августа 1933 г.) и т. п.

Впрочем, решающим фактором в прекращении голода стала отмена старой системы хлебозаготовок. В соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 января 1934 г., устанавливались твердые нормы сдачи зерна. Обязательная поставка не должна была превышать одну треть валового сбора каждого хозяйства при среднем урожае. Одновременно с прекращением практики необоснованного изъятия у крестьян зерна был более чем вдвое, по сравнению с 1932–1933 гг., уменьшен его экспорт. В 1934 г. на экспорт отправлено только 770 тыс. т зерна.

Проявленная тоталитарным режимом «эффективность» как в организации, так и в прекращении Голодомора свидетельствует, что намерение уничтожения украинских крестьян было реализовано в четко определенных им временных границах.

В попытках отрицания геноцидного характера украинского Голодомора иногда ссылаются на обнаруженные в архивах документы о помощи, которая, по решению союзного центра, предоставлялась регионам, в том числе и Украине. Так, британец Р. Дэвис и австралиец С. Уиткрофт вспоминают и анализируют 35 постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, принятых в период с 7 февраля по 20 июля 1933 г., касавшихся предоставления такой помощи. Похожей позиции придерживается американец М. Таугер. Следует отметить, что таких постановлений существует намного больше — их издавала не только союзная власть и не только в 1933 г. Изучение этих документов свидетельствует, что такая

помощь была несвоевременной, недостаточной и избирательной. Значительные ее объемы составляла не продовольственная помощь голодающим, а помощь семенами колхозам для обеспечения посевной кампании.

Если продовольственная помощь поступала в село, она предоставлялась только в форме общественного питания и только тем колхозникам, которые еще были способны работать и жили на полевых станах. Более того, существовали постановления, в соответствии с которыми в больницах кормили и лечили только самых крепких и с лучшими шансами на выздоровление. Продовольственная помощь не предоставлялась крестьянам-единоличникам, зато ее получали местное партийное и комсомольское руководство, активисты.

Как правильно указал В. Марочко, в 1932–1933 гг. решения союзных органов по «исправлению положения в Украине» и «предоставлению помощи Украине» были направлены не на преодоление причин голода и спасение украинских крестьян, а прежде всего на обеспечение производственных потребностей в ходе посевных и уборочных кампаний.

Такая помощь предоставлялась как в пропагандистских целях, так и с целью маскировки преступного поведения власти. В связи с этим нельзя не согласиться со справедливым мнением С. Кульчицкого, что помощь ограбленным крестьянам, у которых только что принудительно изъяли все запасы продовольствия, следует считать элементом преступления.

Продовольственная помощь предоставлялась, а смертность среди украинских крестьян росла. На февраль – июль 1933 г., в течение которых было издано 35 упомянутых постановлений о предоставлении помощи украинским крестьянам, приходится пик Голодомора, когда жертвы преступления исчислялись миллионами. В практическом плане речь шла, скорее, о непредоставлении помощи, чем об ее предоставлении. Избирательное предоставление ограниченной и дозированной помощи только определенной части крестьян означало ее непредоставление другой части, которая насчитывала миллионы. Такой характер продовольственной помощи при наличии больших запасов зерна в централизованных государственных резервных фондах и масштабного продовольственного экспорта не опровергает наличия намерения уничтожения украинских крестьян, а убедительно подтверждает существование умысла уничтожить их частично.

Указанные параметры намерения обусловлены не только спецификой сталинской «помощи» обреченным на голодную смерть украинским крестьянам, но и прагматическими потребностями режима в человеческих ресурсах для использования в колхозном и промышленном производстве, а также в вооруженных силах.

Объект преступления — украинская нация

В 1932–1933 гг. жертвами искусственно организованного голода стали не только украинские крестьяне. Но только украинский Голодомор, охвативший Украину и Кубань, был геноцидом. Голод в других регионах СССР имел признаки другого международного преступления, известного под названием истребление. И дело тут не в том, что, по сравнению с другими регионами, уровень смертности и количество людей, выморенных голодом в Украине и на Кубани, были на несколько порядков выше. Ведь с юридической точки зрения количественные показатели не являются критерием для квалификации противоправного поведения преступлением геноцида.

Между украинским Голодомором и голодом, который в тот период охватил другие регионы СССР, существовало качественное отличие: крестьян вне пределов Украины и Кубани вымаривали голодом как социальный класс, а украинские крестьяне стали жертвами преступления прежде всего из-за своей принадлежности к украинской нации.

Правомерность и справедливость такой оценки очевидны в свете политики большевистского режима по отношению к Украине и системного анализа большевистской доктрины и практики в национальном вопросе.

Ленинско-сталинское руководство всегда придавало исключительное значение Украине, считая, что ее сохранение в орбите московского центра является ключевым условием для обеспечения жизнеспособности коммунистического режима и нового имперского образования в форме СССР. По словам Ленина, «потерять Украину — потерять голову». Отсюда нежелание большевиков признавать право украинской нации на создание независимого государства. Несмотря на провозглашение Лениным лозунга самоопределения наций, руководители большевистской организации

в Украине Горовиц и Пятаков в июне 1917 г. на заседании Киевского комитета РСДРП(б) заявили: большевики не могут поддержать независимость Украины, потому что Россия не может существовать без украинских хлеба, угля, сахара и т. д.

После провозглашения Украинской Народной Республики (УНР) в период с 1917 г. по 1920 г. Советская Россия, используя как надуманный предлог оказание вооруженной помощи карманной Украинской советской республике, образованной в противовес УНР, трижды завоевывала Украину. Подытоживая значение второго завоевания Украины в 1919 г., Ленин отметил: «У нас сейчас есть Украина, это означает, что у нас есть хлеб».

Третья оккупация Украины завершилась в 1920 г. Для удержания ее в своем силовом поле большевистская Россия дислоцировала на территории Украины шесть армий численностью 1,2 млн. штыков.

Осознавая мощь украинского освободительного движения и понимая невозможность длительного покорения Украины лишь силой оружия, Ленин в декабре 1920 г. подписал с подконтрольным ему советским правительством Украины Союзный договор, который признавал независимость Советской Украины — Украинской Социалистической Советской Республики (УССР). Одновременно были сделаны другие тактические уступки, преимущественно в национально-культурной сфере. В Украине начала внедряться политика украинизации, что объективно способствовало деруссификации и укреплению украинской идентичности.

Вынужденное пойти на уступки, кремлевское руководство не ослабило своего фактического контроля над Украиной и готовилось к реваншу. Первым шагом в этом направлении было создание в декабре 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик. В практическом плане это означало начало процесса воссоздания бывшей империи, но на несколько суженном геополитическом пространстве и в новой, коммунистической ипостаси.

Реинтеграция Украины была успехом кремлевского руководства, который усиливал властные возможности Москвы, однако не ликвидировал свободы республики в осуществлении своего собственного национально-культурного политического курса. Более того, политика украинизации, в соответствии с решениями VII конференции КП(б)У (4–10 апреля 1923 г.) и XII съезда РКП(б) (17–25 апреля 1923 г.), была признана официальной линией партии в сфере национально-культурного строительства. Несмотря на определен-

ные противоречивые моменты и определенную непоследовательность в ее осуществлении, политика украинизации была мощным способом созидания украинской Украины.

Украинизация не только затрагивала сферу применения украинского языка, но и охватывала другие ключевые сферы общественной жизни. В частности, в процессе украинизации, которая осуществлялась под руководством КП(б)У при активном участии А. Шумского и Н. Скрипника, осуществлялся культурный ренессанс европейского образца и формировались отличные от российских культурные традиции, которые ориентировались на психологическую Европу под лозунгом «Прочь от Москвы» (М. Хвильовый), создавалась национальная система образования (Г. Гринько), обосновывалась экономическая концепция, в соответствии с которой Украина должна быть автономным экономическим организмом (М. Волобуев).

В 1928 г. ЦК КП(б)У снова поднимает вопрос о передаче УССР районов с преимущественно украинским населением Курской и Воронежской губерний и требует внедрения украинизации на Кубани, которая тогда, по традициям, языку и культуре, была украинской, но начала уже терять свой украинский характер.

В Украине на конец 20-х годов из 17 дивизий, дислоцированных в ее пределах, восемь были территориальными, то есть состояли из украинцев. Причем в военных учебных заведениях началось преподавание украинского языка.

Повышался авторитет и влияние национальной церкви — Украинской автокефальной православной церкви.

Украинизация объективно была продолжением волны национального подъема, вызванного провозглашением УНР и национально-освободительной борьбой. Национальное возрождение Украины породило невосприятие и обеспокоенность кремлевского руководства, перед которым, как ранее перед правительством Российской империи, возникла необходимость, но более масштабная — искоренения украинского сепаратизма.

Как свидетельствуют аналитические разработки контролируемой из Москвы украинской спецслужбы — ГПУ, в фокусе ее внимания была опасность украинского сепаратизма. ГПУ Украины отслеживало настроения в украинском обществе, изучало отношение различных его слоев к коммунистическому режиму, оценивало «сепаратистские проявления» и определяло мероприятия по борьбе с ними. При этом особое внимание уделялось действиям «сепаратистов» с использованием потенциала украинского крестьянства

и его привлечения к реализации их планов. В тайном циркуляре ГПУ УССР от 4 сентября 1926 г. «Об украинском сепаратизме» отмечалось: «село привлекает особое внимание националистов», и их работа «по воспитанию села в духе ненависти к Москве дает заметные результаты, особенно в среде молодежи». В связи с этим делался такой организационный вывод: «связать работу по украинской интеллигенции с работой по селу».

Самая активная фаза «этой работы» началась с организации и проведения в 1929–1930 гг. процесса СВУ (Спілка визволення України), направленного против украинской интеллектуальной элиты, и завершилась уничтожением миллионов украинских крестьян во время Голодомора 1932–1933 гг. Обвиненным в деле СВУ, отмечали В. Пристайко и Ю. Шаповал, инкриминировалось стремление разрушить СССР, «оторвать» Украину от других «союзных республик». Таким образом, инспирируя дело СВУ, коммунистическая власть, по ее мнению, ставила точку на попытках тех или иных сил выступить под флагом «украинского национализма» или «сепаратизма».

Подсудимыми на процессе проходили 45 лиц, но вскоре в связи с делом было арестовано еще 700. Всего же во время и после процесса СВУ репрессиям в Украине было подвергнуто свыше 30 тысяч украинских граждан, преимущественно из числа элиты. Репрессии распространились и на Украинскую автокефальную церковь, которая была запрещена.

Следовательно, состоялась широкомасштабная превентивная зачистка украинской интеллектуальной элиты, которая в условиях широкого сопротивления сталинской политике на селе могла возглавить борьбу крестьян за свержение коммунистического режима и создание независимого Украинского государства.

Такое сопротивление наблюдалось на всей территории Советского Союза, однако наиболее сильным оно было в Украине. Из общего количества зарегистрированных ОГПУ в 1930 г. 13 754 (2,5 млн. участников) крестьянских волнений, бунтов и восстаний — 4098 (свыше 1 млн. участников) произошло в Украине и 1061 (примерно 250 тыс. участников) — на Северном Кавказе. Как сообщал зампред ОГПУ В. Балицкий в 1930 г. в докладной записке о политическом состоянии крестьянства в Украине в связи с политикой ликвидации кулачества как класса, в некоторых селах поют «Ще не вмерла Україна...» и провозглашают лозунги «Геть Радянську владу!», «Хай живе самостійна Україна!»

Несмотря на репрессии против украинской интеллектуальной элиты и карательные акции с применением вооруженных формирований ГПУ против крестьян их сопротивление продолжалось. Конечно, оно имело спонтанный и неорганизованный характер, но при определенных условиях могло перерасти в общенациональное восстание. Такое развитие событий беспокоило сталинский режим, который планировал дальнейшие антиукраинские превентивные репрессии под видом борьбы с украинским «контрреволюционным подпольем». Об этом, в частности, свидетельствует оперативный приказ по Государственному политическому управлению УССР от 13 февраля 1933 г. под грифом «совершенно секретно».

В приказе речь шла о том, что ударно-оперативная группа ГПУ «раскрыла контрреволюционное повстанческое подполье на Украине, охватившее до 200 районов, около 30 железнодорожных станций и депо и ряд пунктов пограничной полосы». На этом основании делался вывод о наличии единого, тщательно разработанного плана «организации вооруженного восстания на Украине к весне 1933 года с целью свержения советской власти и установления капиталистического государства, так называемой Украинской независимой республики». Укажем в этой связи, что чекистский прогноз относительно времени вооруженного восстания удивительным образом совпадает со временем, когда репрессии и Голодомор в Украине достигли своего апогея.

В свете известных сегодня фактов такие оценки ситуации и выводы представляются, мягко говоря, преувеличением. Между тем отнюдь не преувеличением является страх сталинского руководства потерять как власть, так и Украину.

Стоит обратить внимание, что концептуально приказ перекликается с известным сейчас письмом Сталина Кагановичу от 11 августа 1932 г., в котором вождь подчеркивал: «Самое главное сейчас Украина», где дела слишком плохи и «по партийной линии», и «по линии советской», и «по линии ГПУ». И приходил к выводу: «Если не возьмемся сейчас за исправление ситуации на Украине, Украину можем потерять».

Украинский Голодомор был составляющей многоходовой превентивной карательной операции, направленной против украинской нации как таковой, поскольку ее возрождение представляло угрозу единству и самому существованию советской империи. В ходе этой операции с помощью искусственно организованного голода был нанесен сокрушительный удар по украинскому крестьянству

с целью физически уничтожить значительную часть нации, а следовательно, подорвать потенциал ее сопротивления.

Ведь в соответствии с Всесоюзной переписью населения 1926 г. из 31,2 млн. жителей Украины сельское население составляло 23,3 млн., т. е. больше 81%, а среди сельского населения украинцы составляли 20,6 млн., т. е. 87,6%. В начале 1932 г. население Украины составляло 32,5 млн., из которых в сельской местности проживало 25,5 млн. Как и ранее, среди сельского населения украинцы составляли подавляющее большинство, а в некоторых сельских регионах их численность превышала 90%.

Довольно часто утверждают, что украинский Голодомор не имел исключительно украинского национального измерения и поэтому не является преступлением геноцида, поскольку от голода гибли не только украинцы, но и представители национальных меньшинств, живших в то время в Украине.

С этим утверждением перекликается довольно парадоксальная позиция С. Кульчицкого, которую он сформулировал так: «Примененный Сталиным террор голодом в Украине и на Кубани был геноцидом украинских граждан, а не украинцев». Он аргументирует свою позицию тем, что: а) Сталин имел основания опасаться граждан УССР; б) никому — ни внукам граждан Украины, умерших от голода, ни мировой общественности нельзя доказать, что уничтожение украинцев происходило подобно уничтожению армян в Османской империи в 1915 г. или евреев в странах Европы, оккупированных нацистами. С таким подходом нельзя согласиться, поскольку он ошибочен в своей основе и не отвечает критериям Конвенции 1948 г.

Во-первых, население Кубани, которая была частью РСФСР, на три четверти состояло из украинцев, которые были гражданами Российской Федерации, а не Украины.

Во-вторых, в соответствии с Конвенцией 1948 г., геноцидом считаются преступные действия с намерением уничтожить определенную национальную, этническую, расовую или религиозную группу, а не граждан. То есть людей уничтожают именно из-за их принадлежности к определенной национальной, этнической, расовой или религиозной группе, которая, собственно, и является объектом преступления.

В-третьих, Сталин боялся не граждан Украины, он усматривал грозную опасность в украинском национальном возрождении. Поэтому и нанес превентивный удар, и этот удар был направлен про-

тив украинской нации как таковой. Именно из-за этого украинцы стали жертвами его преступных акций, а не потому, что они были лишь гражданами УССР.

В-четвертых, некорректно как противопоставлять, так и отождествлять украинский Голодомор с геноцидом армян и еврейским Холокостом, поскольку каждое конкретное преступление геноцида имеет только ему присущие внешние материальные особенности. С юридической точки зрения важны не тождественность или сходство этих особенностей, а соответствие каждого из таких преступлений критериям или типичным юридическим признакам, определенным Конвенцией 1948 г. Доказывать кому-нибудь сходство уничтожения украинцев, армян и евреев во время национальных трагедий каждой из этих национальных групп не нужно, поскольку такого сходства нет и объективно не может быть. Но необходимо доказать, что параметры украинского Голодомора отвечают требованиям положений Конвенции 1948 г.

Нетождественность украинского Голодомора еврейскому Холокосту не может быть основанием для отрицания геноцидного характера украинской национальной трагедии. Нацисты свозили евреев со всей Европы в лагеря смерти и там уничтожали в газовых камерах. Украинцев морили голодом на их извечной этнической территории. Материальные параметры обоих преступлений явно нетождественны. Однако их юридические измерения в свете Конвенции 1948 г. одинаковы.

Одна из специфических черт украинского Голодомора обусловлена тем, что в ходе исторического развития в некоторых регионах Украины произошло вкрапление в тело украинской нации национальных меньшинств. Поэтому во время Голодомора, кроме украинцев, действительно гибли и представители национальных меньшинств Украины. Они также стали жертвами преступных действий кремлевского руководства. Но преступление геноцида было направлено не против них, а против украинской нации. Голодомор планировался и осуществлялся как один из этапов спецоперации против украинской нации как таковой, поскольку именно она, а не национальные меньшинства, выступает субъектом державо-созидательного самоопределения и только она могла реализовать право на самоопределение путем выхода из СССР и утверждения независимого государства.

Будучи основной частью украинской нации, украинские крестьяне, а не представители национальных меньшинств, были жи-

вительным ресурсом и движущей силой украинских народных восстаний и национально-освободительных движений и играли в них главенствующую роль. Именно поэтому непосредственным объектом Голодомора стала украинская национальная группа и ее существенная составляющая — украинские крестьяне.

Тот факт, что от украинского Голодомора пострадали представители национальных меньшинств Украины, отнюдь не может служить основанием для отрицания его антиукраинской направленности. Осуществляя Холокост против евреев, нацисты одновременно уничтожали цыган, поляков, белорусов, украинцев, представителей других наций, которые также считались ими расово неполноценными и потенциальными врагами рейха. Об этом свидетельствуют трагедии Бабьего Яра и других мест массового уничтожения евреев. Но ведь никто не отрицает, что Холокост является геноцидом еврейского народа.

Представители национальных меньшинств Украины стали невольными и невинными жертвами украинского Голодомора не потому, что были русскими, евреями, поляками, немцами или болгарями, а потому, что жили среди украинской нации, против которой было направлено преступление. Они как будто оказались на линии огня, когда намеревались убить конкретного человека, а пострадали и другие, оказавшиеся поблизости, люди. Но ведь никому не придет в голову отрицать наличие преступления на том основании, что вследствие его совершения пострадали также люди, которых преступник не имел намерения лишать жизни.

Акцент на украинском измерении Голодомора не означает отрицания или игнорирования факта уничтожения искусственным голодом представителей национальных меньшинств Украины. Об этом свидетельствуют результаты работы украинских исследователей Голодомора, в частности А. Иванова, И. Иванькова, В. Марочко. Тщательное выяснение судьбы национальных меньшинств должно стать неперменным аспектом будущего официального расследования всех обстоятельств Голодомора на территории Украины.

С точки зрения международного права массовая гибель от голода представителей национальных меньшинств Украины является преступлением истребления и одновременно обстоятельством, которое отягощает вину и повышает уровень ответственности организаторов украинского Голодомора.

В свете изложенного юридически некорректным является расширенное толкование понятия «национальная группа», согласно

которому объектом преступления геноцида рассматривают «часть украинского народа — совокупность жертв Голодомора..., независимо от этнического, религиозного и других признаков» (Е. Захаров). Такой подход созвучный с положениями принятого в 2006 г. Закона «О Голодоморе 1932–1933 годов в Украине». Однако он противоречит как требованиям ст. II Конвенции 1948 г., так и ст. 442 Уголовного кодекса Украины, в которых сформулирован состав преступления геноцида. Отметим в этой связи, что в проекте упомянутого Закона Голодомор квалифицировался как геноцид украинской нации. В ходе его обсуждения тогдашний председатель Верховного Совета Украины А. Мороз предложил заменить слово «нация» на слово «народ». Верховный Совет согласился с этой юридически необоснованной и провокационной поправкой, которая создала правовую коллизию и, по существу, направлена на отрицание геноцидного характера Голодомора. Эту коллизию необходимо устранить путем внесения изменений в Закон «О Голодоморе 1932–1933 годов в Украине» и приведения его содержания в соответствие с требованиями ст. 442 Уголовного кодекса Украины и ст. II Конвенции 1948 г.

Геноцидный характер украинского Голодомора стараются отрицать, опираясь и на тот факт, что искусственно организованный голод повлек гибель не только украинцев в Украине, но и россиян, казахов, татар, башкир и еще многих в других регионах СССР. На таком подходе базируется концептуальная оценка голода 1932–1933 гг. российскими историками и официальными представителями РФ, а также некоторыми зарубежными исследователями, например немцем С. Мерлем.

Суть позиции российской стороны кратко можно сформулировать так: поскольку голод 1932–1933 гг. на территории Российской Федерации не считается геноцидом, то и голод в Украине не может быть геноцидом. Такая позиция является лишенной элементарной логики попыткой навязать украинской стороне и мировому сообществу собственное видение истории Украины. Но убедительных документов и аргументов в пользу идентичности материальных признаков искусственного голода в России и Голодомора в Украине они не приводят. И причина здесь одна — их просто не существует.

Организовывая искусственный голод, сталинский тоталитарный режим преследовал цель частично уничтожить: а) крестьян — как представителей социальной группы, которая рассматривалась

как враждебная, — с тем, чтобы усмирить и преодолеть их сопротивление, и б) украинскую национальную группу как таковую, поскольку ее развитие являлось потенциальной угрозой целостности и самому существованию коммунистической империи и поскольку важнейшей составляющей украинской нации были крестьяне, оказывающие наибольшее сопротивление режиму.

Выделение украинского Голодомора как преступления геноцида, опирающегося на основательную фактологическую базу, отнюдь не является отрицанием преступного характера действий коммунистической власти, повлекших массовую гибель крестьян других национальностей на территории РСФСР. Не исключено, что преступные деяния, совершенные в то время против казахов, татар и башкир, также были актами геноцида. Подтвердить или опровергнуть это могут специальные исследования и официальные расследования в Казахстане, Татарстане или Башкортостане.

В связи с этим возникает вопрос: мог ли сталинский тоталитарный режим совершить преступление геноцида, жертвами которого стали бы российские крестьяне? Ответ может быть один: нет. Как украинские крестьяне были этническими украинцами, так российские крестьяне были этническими русскими. Они принадлежали к национальным группам, позиционирование и роль которых как в Российской, так и в Советской империи были разными.

Русская нация была системообразующей основой обеих империй. Русскому национализму как официальному идеологическому оружию развития империи белой и — скрытому личиной интернационализма — империи красной был присущ не сепаратизм, а мессианиззм, идеи имперского единства и величия.

Русская нация, как и ее составляющая — русское крестьянство, не могла, по определению, стать объектом преступления геноцида, поскольку коммунистический режим в принципе не был заинтересован в уничтожении русской нации как таковой.

Сопротивление русского крестьянина большевистскому режиму не таило в себе угрозы политического сепаратизма, и власть не связывала его с возможностью выхода России из состава СССР.

Украинскую нацию власть имущие круги обеих империй всегда рассматривали как системоразрушающий фактор. Движущей силой украинского национализма, как идеологического оружия построения независимой Украины, была идея выделения из состава империи и создания Украинского самостоятельного соборного государства.

Антибольшевизм украинского крестьянина в сочетании с его национальной ментальностью был основой украинского сепаратизма и составлял угрозу единству и самому существованию СССР. Именно поэтому объектом преступления геноцида стала украинская нация, для ослабления которой сталинский тоталитарный режим осуществил геноцидное уничтожение украинского крестьянства как основной части нации и источника ее духовной и материальной силы.

Избирательную антиукраинскую направленность Голодомора подтверждают, в частности, такие факты.

Наиболее жестокие репрессивные меры, повлекшие искусственный голод, режим применил в Украине и на Кубани, которая входила в состав РСФСР, но по языку, традициям и культуре была в то время украинской. Согласно переписи населения 1926 г., на Кубани проживало 1 млн. 412 тыс. украинцев, составлявших 75% ее населения. В целом же на Северном Кавказе насчитывалось 3 млн. 107 тыс. украинцев.

Уполномоченным по вопросам обеспечения хлебозаготовок в Украине и на Северном Кавказе был назначен Каганович, самый преданный соратник Сталина. Именно Каганович ввел режим «черных досок» как дополнительный метод наказания крестьян Кубани и Украины, у которых принудительно изымали все запасы зерна и все остальные продукты питания.

В союзных постановлениях, переписке и выступлениях кремлевского руководства наряду с Украиной часто выделяют Кубань как регион, которому следует уделить особое внимание. Об этом, например, свидетельствуют Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 ноября 1932 г. и бюро Северокавказского крайкома от 4 ноября 1932 г., переписка Сталина с Кагановичем, выступления последнего во время поездок на Северный Кавказ.

Российский исследователь голода 1932–1933 гг. И. Зеленин отмечает, что действия комиссии ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам в Поволжье, которую возглавлял Постышев, имели «несколько иной характер по сравнению с тем, что осуществляли Каганович и Молотов на Северном Кавказе и Украине». Он небезосновательно считает, что крестьяне Нижней Волги пострадали от голода в меньшей степени, чем сельское население Украины и Северного Кавказа.

В. Кондрашин отмечает, что в 1932 г. дестабилизацию ситуации в Северо-Кавказском крае повлек «украинский фактор» — объявление там планов хлебозаготовок вызывало панику среди

крестьян Кубани и Дона, поскольку они знали о голоде в Украине и почувствовали угрозу голода, аналогичного тому, который уже охватил Украину. Вполне очевидно, что паника охватила этот регион из-за того, что населен он был преимущественно украинцами, которые знали о событиях в Украине, но В. Кондрашин об этом не упоминает.

Наряду с нормативными актами, с помощью которых осуществлялась организация искусственного голода на всей территории СССР, имелся ряд специфически «украинских», а точнее — антиукраинских законов, постановлений, инструкций, директив.

Так, с января 1933 г. на союзном уровне были приняты нормативные акты, в соответствии с которыми только крестьянам Украины и Кубани запрещался выезд в соседние области России и Белоруссии «в поисках хлеба». На их границах был установлен режим блокады, соблюдение которого обеспечивали подразделения ГПУ и милиции. Чтобы сделать невозможным бегство от голодной смерти, войска не допускали голодающих украинских крестьян также в районы, примыкающие к границе с Румынией и Польшей.

Вопрос хлебозаготовок в Украине и на Северном Кавказе сталинский тоталитарный режим связал непосредственно с вопросами украинизации, о чем свидетельствует Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовке на Украине, Северном Кавказе и в Западной области».

В весьма обширных пунктах 4, 6 и 7 Постановления выделены лишь Украина и Северный Кавказ; украинское руководство подвергнуто жесткой критике за неправильное осуществление национальной политики, а северокавказское — за меньшевистскую украинизацию, что облегчило буржуазно-националистическим элементам, в частности петлюровцам и членам Кубанской Рады (аналог Центральной Рады), «создание своих легальных прикрытий, своих контрреволюционных ячеек и организаций».

Постановление содержало предписание ЦК КП(б)У и СНК Украины «изгнать петлюровские и прочие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций» и вменяло в обязанность Северокавказскому крайкому и крайисполкому:

- выселить в кратчайшие сроки в северные области СССР из станицы Полтавской (Северный Кавказ), как наиболее контрреволюционной, всех жителей, за исключением действительно преданных соввласти колхозников и единоличников, и заселить эту станицу колхозниками-красноармейцами;

- немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов «украинизированных» районов, а также издание всех газет и журналов с украинского на русский язык, якобы больше понятный для кубанцев; подготовить и к осени перевести преподавание в школах на русский язык.

Содержание этого Постановления является убедительным подтверждением того, что искусственно организованный голод в Украине и на Северном Кавказе использовался не только как орудие геноцидного уничтожения, а прежде всего как повод для разрушения украинской национальной идентичности и уничтожения носителей этой идентичности за их принадлежность к украинской национальной группе.

Общесоюзные нормативные акты исполнялись на территории всей Страны Советов практически одинаковыми методами, тем не менее масштабы, целенаправленность и, соответственно, последствия их применения в отдельных регионах были разными. С наибольшим усердием и жестокостью их применяли в Украине и на Кубани. Самые активные фазы изъятия зерна у украинских крестьян сопровождались истерическими антиукраинскими кампаниями в общесоюзной прессе.

По сравнению с другими регионами, смертность в Украине и на Кубани была намного большей и превышала природную в десятки раз. Причем сверхвысокая смертность наблюдалась в сельской местности, заселенной преимущественно украинцами (С. Кульчицкий). Это обусловлено применением особенно жестоких и масштабных принудительных изъятий продовольствия именно в отношении украинцев.

С прекращением Голодомора во второй половине 1933 г., в соответствии с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР, был образован Всесоюзный комитет по переселению. Согласно его решениям были определены 42 района Одесской, Днепропетровской, Донецкой и Харьковской областей, куда на место выморенных голодом украинцев организованно переселяли людей из России и Белоруссии. Во время первого этапа этой операции в Украину в течение конца 1933 – начала 1934 гг. было переселено 20 тысяч семей. Вымершие украинские села были заселены преимущественно русскими, белорусами, а также евреями и немцами, хотя в СССР за пределами Украины проживало несколько миллионов украинцев.

Сообщения иностранных корреспондентов того времени и закрытые отчеты посольств и консульств, аккредитованных в СССР,

сконцентрированы главным образом на голоде в Украине и Северном Кавказе. Причем как в корреспонденциях, так и в аналитических выводах дипломатических отчетов даются оценки человеческих потерь и подчеркивается, что голод в Украине был спланирован с целью покорения и уничтожения украинской нации.

Так, в аналитическом отчете «Голод и украинский вопрос», подготовленном в мае 1933 г. Королевским консулом Италии в Харькове С. Градениго, отмечалось, что политика московского правительства «имеет целью за несколько месяцев ликвидировать украинскую проблему, пожертвовав 10 или 15 миллионами душ. И эта цифра не должна казаться преувеличенной. Думаю, что ее уже, должно быть, достигнуто и будет превышено... Из этого я делаю вывод: нынешняя катастрофа приведет к колонизации Украины преимущественно русским населением. Это изменит ее этнографическую природу. Возможно, в очень близком будущем, не придется больше говорить ни об Украине, ни об украинском народе, и таким образом не будет и украинской проблемы, поскольку Украина фактически станет частью России».

В политическом отчете Консульства Германии в Киеве от 15 января 1934 г. отмечалось: «Состояние украинского вопроса в этом году можно оценить также лишь в контексте массового голода. Из-за этой катастрофы, ответственной за которую народ считает московскую политику, давняя пропасть между украинцами — поборниками самостоятельности и московским централизмом, естественно, углубилась. Примечательным для настроений населения является весьма распространенное мнение, что советское правительство умышленно усиливало голод, чтобы принудить украинцев упасть на колени». Стоит также процитировать документ «Является ли Украина украинской», составленный в мае 1936 г. анонимным автором после его многодневной поездки по Украине. Автор этого документа, который сохранился в архиве немецкого МИД, в частности, отмечает: «Украинская Украина была уничтожена. От более 30 млн. ее населения по приблизительным подсчетам пятая часть, т. е. 6 миллионов людей, умерли голодной смертью. Ныне народ настолько слабый, что не сможет выстоять перед последним ударом московского централизма».

В будущем тщательное историческое исследование, возможно, установит, что волю украинского народа в течение ужасных 1932–1933 годов было сломлено. Наименее на десятки лет, а может быть и навсегда».

К счастью, мрачные пессимистические прогнозы не оправдались, но их подоплека и содержание убедительно свидетельствуют о понимании того, что объектом преступного геноцидного поведения кремлевского руководства была украинская нация как таковая.

Несмотря на тяжелые исторические испытания, Украина восстановила свою государственную независимость. Однако украинская нация понесла колоссальные потери, последствия которых ощущаются и ныне. В сочетании с политическими репрессиями и депортациями, которые осуществлялись до, во время и после 1932–1933 гг., Голодомор имел катастрофический кумулятивный эффект. Сокрушительный удар был нанесен по генетическому потенциалу украинской нации. Произошло разрушение традиционной структуры украинского социума, сопровождавшееся опустошением страны. Украинской нации была причинена тяжелая психологическая травма вследствие ужасных картин массовой гибели людей, мученической смерти родных и близких, невероятных голодных страданий живых и шокирующей моральной деградации, вызванной борьбой за выживание в условиях тотального голода. Были серьезно скованы силы украинского освободительного движения и ослаблена способность нации к сопротивлению, подорваны извечные национальные традиции, приторможен процесс национального возрождения и нормального культурного развития нации, укрепления ее единства, достоинства и духовности. Страну охватила атмосфера страха, жестокости, лжи, двойных стандартов и аморальности.

В значительной мере разрушительные последствия Голодомора тормозят поступательное развитие независимой Украины. Их преодоление является необходимым условием оздоровления общества, национальной консолидации и строительства успешной Украины.

Количество жертв преступления и демографические потери Украины

Точной цифры жертв Голодомора не существует и установить ее вряд ли практически возможно. В стремлении скрыть масштабы преступления и его губительные последствия кремлевское руководство запретило органам записи актов гражданского состояния, органам учета естественного движения населения и медицинским

учреждениям фиксировать действительную причину смерти, а когда в 1933 г. голод достиг апогея, умерших хоронили в братских могилах вообще без какой-либо регистрации.

Как отмечает С. Кульчицкий, в это время работа государственных органов в сельской местности была нарушена, а кое-где совсем парализована. В 1934 г. органы учета народонаселения и соответствующую архивную службу подчинили НКВД СССР. Свободный доступ к демографической информации был прекращен.

Несмотря на отрицание коммунистической власти самого факта голода, масштабы демографической катастрофы в Украине не могли не привлечь внимание иностранных журналистов, дипломатов и специалистов, работавших в то время в СССР.

Первые эмпирические оценки числа жертв Голодомора начали появляться в западной печати в его разгаре. В отличие от сообщений журналистов, оценки дипломатов были закрытыми и стали известными значительно позже. Анализ корреспонденции и дипломатических отчетов тех времен свидетельствует о наличии больших расхождений в оценке количества жертв преступления. Они колебались в диапазоне между 15 млн. и 1 млн. На основе этих оценок можно сделать только вывод, что жертвами организованного коммунистическим режимом Голодомора стали миллионы людей как в Украине, так и вне ее пределов, и что наибольшие потери понесла Украина.

Наряду с эмпирическими оценками числа жертв Голодомора существует много экспертных оценок, сделанных в 40-х – 50-х годах многочисленными исследователями с помощью различных методов. Эти оценки были сделаны на основе всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г., поскольку результаты Всесоюзной переписи 1937 г. были признаны советским руководством дефектными, а их публикация запрещена.

В соответствии с экспертными оценками, сделанными до раскритеривания советской демографической статистики, верхний предел потерь снижался с 15 млн. до 7,5 млн., а нижний повышался с 1 млн. до 2,5 млн.

После открытия в конце 80-х годов доступа к закрытым ранее советским архивам состоялось дальнейшее сужение пределов общего числа жертв Голодомора в Украине. Оценки исследователей начали колебаться в диапазоне от 5,2 млн. до 2,6 млн. заморенных голодом.

И сегодня вопрос определения числа жертв Голодомора остается дискуссионным. Как и ранее, при его изучении исследователи

получают неоднозначные результаты даже в рамках исполнения одного проекта.

Свидетельством тому является представленный в 2008 г. научно-аналитический доклад Института демографии и социальных исследований НАН Украины «Демографическая катастрофа в Украине вследствие Голодомора 1932–1933 годов: составляющие, масштабы, последствия». Доклад фиксирует несколько противоречивые оценки количественных параметров человеческих потерь Украины. Так, на с. 76 доклада сказано, что совокупные демографические потери составляют 5,5–5,6 млн. человек, а размеры человеческих потерь от сверхсмертности колеблются в пределах не больше 3,4–3,5 млн. На с. 78 общие потери определены цифрой 5,4 млн. с выделением потерь в сельской местности 5,1 млн. На с. 82 общие потери Украины в 1932 г. определены в 795 000, а в 1933 г. — 3,5 млн., т. е. суммарно 4 млн. 295 тыс., а на с. 84 подытоживается, что демографические потери Украины вследствие Голодомора 1932–1933 гг. оцениваются в 4,5 млн. человек — 3,4 млн. потерян из-за повышенной смертности, а 1,1 — из-за понижения рождаемости. Причем здесь же указывается, что демографические потери составляют приблизительно 6 млн. человек.

Неоднозначность в оценках человеческих потерь от Голодомора объясняется не столько применением исследователями разных методов обработки демографической статистики, сколько ненадежностью использованных ими базовых данных. Даже если расчеты сделаны по всем правилам демографической науки, но опираются на статистику переписей 1937 г. и 1939 г., такие результаты вряд ли можно считать полностью достоверными. Ведь известно, что качество обеих переписей является сомнительным. Особенно сомнительной является статистика переписи 1937 г. Как отмечает С. Кульчицкий, на Украине было зарегистрировано от трети до половины смертных случаев, смерть от голода не выделялась, а с марта до августа 1933 г. реальная смертность (включая естественную) в 2–3 раза превышала указанную в документах статистического учета.

В документах переписей не зафиксирован надлежащим образом учет текущего движения населения. Об абсурдности статистики, зафиксированной в обеих переписях, свидетельствует тот факт, что в соответствии с их данными с 1926 г. по 1937 г. население Украины уменьшилось всего на 538 639 человек, а с 1926 г. по 1939 г. — больше, чем на 3 млн. человек.

При таких обстоятельствах современные экспертные оценки не могут безоговорочно быть безальтернативной заменой оценок, профессионально сделанных в прошлом, а также отдельных первых эмпирических оценок Голодомора современниками, особенно теми, которые длительное время жили в Украине, посещали ее сельские регионы и имели конфиденциальный доступ к носителям необходимой информации.

В силу неординарности ситуации стоит разработать новые подходы как к коррекции сфальсифицированной демографической статистики, так и к использованию ранее сделанных эмпирических оценок. Гармонизация таких подходов будет способствовать получению более надежных результатов.

Трудности в подсчетах общего количества выморенных голодом людей иногда используются для того, чтобы бросить тень сомнения на нашу национальную трагедию и отрицать ее геноцидный характер. Как отмечалось ранее, ключевым для квалификации преступного поведения преступлением геноцида является не количество убитых людей, а намерение уничтожить определенную группу как таковую посредством полного или частичного уничтожения ее членов. Количество жертв не является юридическим признаком геноцида, а лишь одним из обстоятельств преступления. Выяснение этого обстоятельства является вспомогательным способом доказывания намерения частичного или полного уничтожения определенной группы как таковой, а также решения вопроса о степени тяжести совершенного преступления и назначения соответствующего наказания. При направленности преступления против группы как таковой убийство любого количества ее членов является преступлением геноцида.

Даже если во время Голодомора погибло бы не несколько миллионов украинцев, а на порядок меньше, это не изменило бы геноцидного характера этого преступления. Многочисленные подсчеты, в частности те, результаты которых указывают на минимальное количество жертв, свидетельствуют, что убиты миллионы. Точное число миллионов — 3, 5, 7, 10 с правовой точки зрения не имеет принципиального значения. Поэтому в плане квалификации Голодомора преступлением геноцида любые политические манипуляции цифрами, связанными с количеством жертв, как в сторону их уменьшения, так и увеличения, являются беспредметными. В моральном плане такие действия — спекулятивны и кощунственны.

Механизм осуществления Голодомора: его организаторы, исполнители и соучастники

В осуществлении украинского Голодомора были задействованы все элементы партийно-советской системы, являвшиеся составляющими тоталитарного партийного государства (Грей-Дорси) или государства-коммуны (С. Кульчицкий). Особенность этого государства заключалась в том, что конституционные органы государственной власти и управления — как в центре, так и на местах — были подчинены Коммунистической партии, которая вскоре после октябрьского переворота 1917 г. практически осталась единственной партией в стране (а в начале 20-х годов — и фактически) и с образованием Союза ССР стала называться Всесоюзной коммунистической партией большевиков — ВКП(б).

Возглавлялась ВКП(б) Политическим бюро, состоявшим из определенного количества партийных лидеров, которому принадлежала реальная власть в СССР. После того как во внутривнутрипартийной борьбе Сталин утвердился в качестве единоличного лидера и присвоил себе диктаторские полномочия, самыми влиятельными членами Политбюро, начиная с 20-х годов, стали его сторонники — Каганович, Молотов, Микоян, Калинин и др. Принятые Политбюро решения воплощались в законы или постановления конституционных органов власти, а по самым важным вопросам — в совместные Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

В начале 30-х годов Союз ССР, который, в соответствии с Конституцией 1924 г., был федеративным государством с довольно широкими полномочиями его субъектов, превратился в сверхцентрализованное партийное тоталитарное государство, управляемое Сталиным и его окружением. Легитимация диктатуры коммунистической верхушки, идеологическим прикрытием для которой служили демагогические лозунги, происходила при помощи нормативных актов союзных и республиканских органов власти. Нередко эти акты имели грифы «совершенно секретно» и не подлежали разглашению. Партийные решения и соответствующие постановления государственных органов по особо важным вопросам принимались Сталиным и его ближайшим окружением без формального обсуждения даже на Политбюро, не фиксировались в формальных документах, но были руководством к действию для всей вертикали партийной диктатуры от «Москвы до самых до окраин».

Составляющей частью ВКП(б) была украинская компартия — КП(б)У, которую лишили самостоятельности и которую союзное партруководство использовало для удержания Украины в своей силовой орбите. С этой целью принимаемые в Центре партийные решения, законы и постановления дублировались в Украине соответствующими актами ЦК КП(б)У, Политбюро ЦК КП(б)У, РНК УССР и ВУЦИК.

В планах обуздания Украины и организации Голодомора важная роль отводилась ГПУ — Главному политическому управлению УССР, так с 1922 г. стала называться ВУЧК.

В 30-е годы тандем КП(б)У–ГПУ ни по национальному составу своего руководства, ни по направленности своей деятельности не был украинским, действовал под жестким контролем Кремля и был послушным орудием реализации антиукраинской политики центра.

Главенствующую роль в механизме осуществления Голодомора в Украине играло кремлевское руководство, являвшееся его идеологом, заказчиком и организатором. Исполнителем, соучастником и пособником в осуществлении Голодомора было партийное и советское руководство Украины.

В осуществлении преступления были активно задействованы органы советской юстиции, суда и прокуратуры, спецслужбы, вооруженные подразделения органов внутренних дел, ГПУ, Красной армии и погранвойск.

Низовое звено исполнителей — руководители местных организаций КП(б)У и местных органов советской власти, привлекавшие к преступным акциям по изъятию у крестьян продовольствия местных активистов из числа членов комбедов, сельских партийных и комсомольских ячеек.

Идеологом, заказчиком и организатором Голодомора в Украине был Сталин, игравший руководящую и ключевую роль в планировании преступления, формировании механизма его осуществления и контроле за его осуществлением. Как Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), диктаторской воле которого подчинялось Политбюро, Сталин был инициатором всех принципиальных партийных решений по организации Голодомора в Украине.

Специализированными элементами центрального механизма осуществления Голодомора в Украине и на Северном Кавказе стали чрезвычайные хлебозаготовительные комиссии, созданные по решениям Политбюро ЦК ВКП(б). Во главе комиссий стояли лица из ближайшего окружения Сталина.

Председателем комиссии для Украины был назначен В. Молотов, член Политбюро ЦК ВКП(б), Председатель СНК СССР. Председателем комиссии для Северного Кавказа стал Л. Каганович, член Политбюро, секретарь и заведующий сельхозотдела ЦК ВКП(б). В работе комиссии Молотова, состав которой не был определен, фактически участвовал Каганович, сам родом с Украины, знавший украинские реалии и в 1925–1928 гг. занимавший пост Генерального секретаря ЦК КП(б)У.

Наряду с Кагановичем специальные функции в Украине выполнял Постышев. Им обоим, в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине» от 19 декабря 1932 г., было поручено вместе с республиканским руководством принять все необходимые организационные и административные меры по выполнению плана хлебозаготовок. С этой целью Каганович и Постышев находились в Украине с 20 по 29 декабря 1932 г.

С января 1933 г. Постышев был назначен вторым секретарем ЦК КП(б)У и первым секретарем Харьковского обкома КП(б)У (вместе с тем до февраля 1934 г. он оставался секретарем ЦК ВКП(б)). Будучи приближенным к Сталину лицом, он фактически контролировал первого секретаря КП(б)У Косиора, лишившегося доверия вождя. Обеспечивая выполнение планов хлебозаготовок, а фактически организовывая Голодомор, Постышев сыграл решающую роль в подавлении национального уклона в КП(б)У.

Весомая роль в механизме осуществления Голодомора отводилась карательным органам, действовавшим в качестве органов Кремля. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 ноября 1932 г. зампреда ОГПУ Балицкий был назначен особым уполномоченным ОГПУ в Украине. В начале декабря 1932 г. он прибыл в Харьков и вскоре занял также должность председателя ГПУ УССР, которую до него занимал С. Реденс — свояк Сталина.

В республиканское ядро организаторов Голодомора входили первый секретарь ЦК КП(б)У С. Косиор, председатель СНК УССР В. Чубарь, председатель ВУЦИК Г. Петровский, а также первые секретари обкомов КП(б)У — М. Хатаевич, Е. Вегер, Р. Терехов, В. Строганов, М. Майоров, С. Саркисов, Н. Алексеев. Эта партноменклатура обеспечивала осуществление Голодомора руководством низших уровней. При этом первые лица республиканского руководства входили также в высшие союзные партийные органы. С. Косиор был членом Политбюро ЦК ВКП(б) с 1930 г.; В. Чубарь —

кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б) в 1926–1935 гг.; Г. Петровский — членом ЦК ВКП(б) в 1921–1939 гг., кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Такая конструкция высшего уровня механизма осуществления Голодомора позволяла эффективно контролировать действия республиканских лидеров и обеспечивать безоговорочное выполнение ими воли кремлевского руководства.

Голодомор был содеян преступной группой с четко построенной иерархической вертикалью руководства и координации преступной деятельности. Она представляла собой устойчивое объединение лиц, которые принадлежали к высшему эшелону «партийного государства» и которые сознательно использовали его как инструмент вовлечения широкого круга других лиц для участия в преступной деятельности.

Особенностью построения преступной группы, которая осуществляла Голодомор, является ее красноречивая многоэтничность. Главные роли в идеологическом обеспечении, планировании, организации и осуществлении преступления принадлежали неукраинской интернациональной команде, состоявшей из Сталина, Кагановича, Молотова, Микояна, Постышева, Косиора, Балицкого, Хатаевича, Вегера, Терехова, Реденса и др.

Возглавляемое В. Балицким карательное ведомство состояло преимущественно из неукраинцев, а в его руководящем составе этнических украинцев не было вовсе.

Однако активными участниками преступления были и этнические украинцы, в частности входившие в руководящую прослойку республиканского уровня. Но они не играли ключевой роли в принятии и реализации решений — В. Чубарь, Г. Петровский, В. Затонский и др., а также многочисленные исполнители преступления на местах, которые были пособниками в его совершении.

Нижнее звено исполнителей преступных действий в подавляющем большинстве составляли, как правило, выходцы из беднейших слоев, воспринявшие идеи большевизма и сознательно поддерживавшие местную власть в реализации планов построения светлого будущего. В то же время многие из них принадлежали к сельским люмпенам, которых коммунистические власти сознательно использовали в качестве орудия преступления. Руководимые чувством зависти к богатым и желанием отомстить, они пользовались моментом для самоутверждения и выживания за счет своих односельчан.

Писать об этом приходится не только ради исторической правды и воспроизведения характерных особенностей и признаков преступления, но не в последнюю очередь и потому, что отдельные исследователи, политики и политологи, ссылаясь на многоэтнический состав субъектов преступления и, в частности, участие в его совершении этнических украинцев, считают невозможным квалифицировать украинский Голодомор как преступление геноцида.

Такой подход юридически несостоятелен. Национальное уголовное законодательство и международное уголовное право не обуславливают квалификацию ни одного преступления национальной принадлежностью преступника. Преступление геноцида не является, не может и не должно составить исключения из этого фундаментального правила.

Конвенция 1948 г. не дает никаких оснований связывать квалификацию конкретных случаев геноцида с национальностью лиц, участвовавших в его осуществлении. Ее статья IV лишь предусматривает: «Лица, осуществляющие геноцид или любые другие из перечисленных в ст. III действий, подлежат наказанию независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правительствами, должностными или частными лицами».

Таким образом, этнический состав участников преступления геноцида не является его юридическим признаком, а значит, не влияет на квалификацию конкретных противоправных действий как преступления геноцида.

Безнравственность и спекулятивность таких методов отрицания геноцидного характера украинского Голодомора заключаются в преднамеренном искажении однозначных и четких положений Конвенции 1948 г. и в использовании трагических обстоятельств преступления для его непризнания, что равнозначно его оправданию.

Вопросы ответственности за совершение Голодомора и преодоления его последствий

Квалификация Голодомора 1932–1933 гг. как геноцида связана с вопросом ответственности за совершение этого страшного преступления. С точки зрения права такая ответственность ложит-

ся на СССР как «партийное государство», а также на всех лиц, участвовавших в организации и осуществлении преступления, независимо от их должностей, социального статуса и этнической принадлежности.

«Партийное государство» прекратило свое существование после развала СССР. Его правопреемниками стали все бывшие союзные республики, а Российская Федерация, вопреки международному праву, провозгласила себя государством — продолжателем СССР. Украина неоднократно заявляла, что не связывает признание Голодомора геноцидом с международно-правовой ответственностью Российской Федерации и не будет предъявлять к ней никаких претензий. Однако это не исключает права физических лиц — потомков жертв Голодомора предъявлять претензии к РФ как к государству, считающему себя продолжателем СССР. Конечно, в практическом плане реализация этого права является проблематичной.

Жуткие обстоятельства преступления делают невозможным установление как точного количества вызванных голодом смертей невинных людей, так и исчерпывающего поименного списка жертв. Сегодня чрезвычайно сложно найти людей, которые бы могли дать показания по конкретным делам. В конце концов нужно учитывать и наличие юрисдикционных трудностей, связанных с тем, что составляющей тоталитарной «партийного государства» — СССР была и УССР, а значит исполнителями преступления на республиканском уровне были должностные лица УССР, которые во многих случаях действовали самостоятельно и в соответствии с республиканскими нормативными актами.

Намного легче установить ответственность главных организаторов и исполнителей преступления как на союзном, так и на республиканском уровнях. Однако наказать их невозможно, поскольку они, в частности Сталин, Каганович, Молотов, умерли своей смертью, а значительно большая часть его организаторов и исполнителей, в частности Косиор, Чубарь, Постышев, Балицкий, Реденс, Хатаевич, а также руководители всех обкомов КП(б)У, были уничтожены в ходе сталинских репрессий. Парадоксальный исторический факт: преступники понесли наказание, но не были наказаны за участие в осуществлении Голодомора.

Следует особо подчеркнуть, что многоэтнический состав идеологов, организаторов, соучастников, исполнителей и пособников преступления, как специфический материальный признак украинского Голодомора, не является и не может быть основанием для об-

винения соответствующих наций — грузинской, русской, еврейской, польской, латышской или какой-либо иной — в причастности к его совершению.

В политическом плане ответственным за Голодомор-геноцид в Украине и уничтожение крестьян голодом в других регионах СССР является сталинский коммунистический режим. Именно поэтому геноцидный характер Голодомора в Украине, а часто вообще сам факт голода в бывшем СССР пытаются отрицать представители или симпатик КПУ, идейной наследницы ВКП(б)–КПСС.

На позиции активного противодействия международному признанию Голодомора в Украине как преступления геноцида стоят официальные лица Российской Федерации. И это не удивительно, ведь главного организатора преступления — Сталина — правящая российская верхушка считает «сильным политиком» и «успешным менеджером». Но странным и непонятным является то, что признание Голодомора геноцидом официальные представители российского МИД рассматривают как оскорбление памяти жертв голода в других регионах бывшего СССР. Квалификация украинского Голодомора в качестве преступления геноцида не является и не может быть отрицанием преступного характера действий сталинского режима против крестьян России, Беларуси, Казахстана, Башкирии и др. Украина не выступает ни против того, чтобы почтить память жертв сталинского режима в бывшем СССР (в том числе и уморенных голодом людей), ни против осуждения преступлений сталинизма. Поэтому на самом деле надругательством над памятью жертв преступлений коммунистического режима является не позиция Украины, а восславление вождя этого режима в России.

Истерическая реакция российского политического истеблишмента на историческую правду об украинском Голодоморе объясняется тем, что установление настоящей природы этого преступления, его причин и последствий подрывает позиции антиукраинских сил как в Украине, так и за ее пределами и побуждает к действиям, направленным на укрепление национальной государственности, развитие демократических институтов Украины, продолжение ее движения путем интеграции в европейские и евроатлантические структуры.

В своем подавляющем большинстве русский властный и политический истеблишмент продолжает считать Украину частью России, которая имеет с ней общую судьбу и общую историю. Отсюда попытки руководства России навязать Украине и мировому сообще-

ству свое видение украинской истории. Отрицание права Украины на свою собственную историю является скрытой формой отрицания ее права на независимое существование.

Ныне очевидно, что именно утрата Украиной независимой государственности и господство в ней власти, враждебной украинской нации и подчиненной кремлевскому руководству, стали предпосылкой и глубинным истоком Голодомора. Его политические причины и губительные последствия убедительно предупреждают о смертельной опасности для украинской нации неоимперских планов восстановления «великой единой России», в соответствии с которыми Украина должна вновь стать ее частью. В новейших стратегиях построения русской неоимперии откровенно выдвигается лозунг: «России нужна не пророссийская Украина, а русская Украина». Гипотетически существует, по крайней мере, три возможности реализации таких стратегий: 1) путем геноцида украинской национальной группы как таковой; 2) путем лингвоцида, т. е. уничтожения языка украинской нации как ее основополагающего и определяющего признака, что равнозначно окончательному и полному уничтожению нации как таковой; 3) с помощью кумулятивного применения этих инструментов нациеубийства.

Следует помнить в этой связи, что, за исключением весьма коротких периодов, вся история царской и советской империй является историей постоянной войны на уничтожение украинского языка. Во время Голодомора была остановлена украинизация и начато наступление против украинского возрождения и украинского языка.

Такое наступление не прекратилось и после восстановления независимости Украины, а лишь приобрело новые, более масштабные и опасные формы. На это указывает мощная языково-культурная экспансия, которая ныне осуществляется Российской Федерацией в отношении Украины и которая, по существу, является если не скрытой формой, то прелюдией лингвоцида. В случае восстановления русской неоимперии с включением в нее Украины вряд ли произойдет массовое физическое уничтожение украинцев, поскольку в условиях нарастающего демографического кризиса в России там ощущается и еще долгие годы будет ощущаться острая потребность в людских ресурсах. Однако не возникает никакого сомнения, что сценарий применения лингвоцида в отношении украинского языка с целью уничтожения украинской нации станет реальностью. Неотъемлемой состав-

ляющей такого сценария станет преследование и истребление украинской элиты.

Трагедия Голодомора является предостережением, которое требует сказать решительное и твердое «нет» кремлевским неоимперским планам. Поэтому восстановление и распространение исторической правды об украинском Голодоморе вызывает невосприятие и противодействие официальной России.

Следовательно, сегодня актуально политическое осуждение преступлений руководимого Сталиным коммунистического тоталитарного режима, которое должно сопровождаться официальной правовой оценкой Голодомора и системным изучением его разрушительных последствий, выработкой и реализацией комплексных мер, необходимых для возрождения украинской нации, оздоровления общества и демократического развития независимой Украины.

Такого рода мероприятия не должны носить конъюнктурного характера и предприниматься лишь в годовщины круглых дат. Они должны осуществляться на постоянной, системной основе на общегосударственном и региональном уровнях. Первые шаги в этом направлении делает Украинский институт национальной памяти. Но их явно недостаточно.

Для решения масштабного и сложного комплекса вопросов, связанных с преодолением последствий трагедии, необходимо, чтобы Генеральная прокуратура Украины возбудила уголовное дело по факту геноцидного уничтожения миллионов людей на основании Закона Украины «О Голодоморе 1932–1933 годов в Украине», статьи 442 Уголовного кодекса Украины и статей 94, 97 и 112 (ч. 3) Уголовно-процессуального кодекса Украины. В случае установления соответствия фактов, касающихся Голодомора, составу преступления геноцида, как он определен ст. 442 Уголовного кодекса Украины, Генеральная прокуратура Украины должна подготовить официальное обвинительное заключение и передать его на рассмотрение и утверждение Верховного суда Украины.

В то же время Верховная Рада Украины должна создать на основе статьи 89 (ч. 4) Конституции Украины временную следственную комиссию для проведения парламентского расследования всех обстоятельств Голодомора 1932–1933 гг. в Украине как тягчайшего международного преступления и трагического события, которое имеет важное значение для украинского общества.

Осуществление таких шагов не требует никаких резолюций международных организаций. Достаточно имеющегося законодательства Украины и политической воли для его реализации.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что ст. 6 Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказания за него предусматривает: уголовное преследование за совершение этого преступления должен осуществлять компетентный суд государства, на территории которого оно было совершено, или такой международный уголовный трибунал, юрисдикцию которого признают стороны Конвенции. В соответствии с общепризнанными положениями международного права, подтвержденными Римским статутот Международного уголовного суда 1998 г., дела о международных преступлениях передаются на рассмотрение международных судебных инстанций лишь в том случае, когда государство, на территории которого такие преступления были совершены, не в состоянии или не желает осуществить расследование, установить виновных и привлечь их к ответственности.

Полномасштабные расследования всех обстоятельств Голодомора и его официальная квалификация в Украине создадут мощную и убедительную правовую и фактологическую основу для широкого международного признания и осуждения геноцидного характера этого ужасного преступления.

БИБЛИОГРАФИЯ

Документи

33-й: Голод. Народна Книга — Меморіал / Упоряд. Л. Б. Коваленко, В. А. Маняк. — К., 1991.

Колективізація і голод на Україні 1929–1933. Збірник документів і матеріалів. — К., 1992.

Чорна книга України. Збірник документів, архівних матеріалів, листів тощо. — К., 1998.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. — Москва, 2001.

Голодомор 1932–1933 років в Україні: Документи і матеріали. — К., 2007.

Розсекречена пам'ять. Голодомор 1932–1933 років в Україні в документах ГПУ — НКВД. — К., 2008.

Польща та Україна у тридцятих – сорокових роках ХХ століття, невідомі документи з архівів спеціальних служб. — Т. 7. Голодомор в Україні 1932–1933. — Варшава — Київ, 2008.

Голодомор 1932–1933 років: злочин влади — трагедія народу. Документи і матеріали. — К.: Генеза, 2008.

Holodomor of 1932–1933 in Ukraine — Documents and Materials. — Kyiv: Kyiv Mohyla Academy Publising House, 2008.

Документы из архивов ведомств зарубежных дел иностранных держав

The Foreign Office and the Famine. British Documents on Ukraine and the Great Famine of 1932–1933 / Ed. by Marko Carynnyk, Lubomyr I. Luciuk and Bohdan S. Kordan. — Ontario — Westal, New York, 1988.

Листи з Харкова. Голод в Україні та на Північному Кавказі в повідомленнях італійських дипломатів 1932–1933 років / Упорядник Андре Граціозі. — Харків, 2007.

Голодомор в Україні 1932–1933 років: за документами політичного архіву МЗС ФРН / Упорядник А. Кудряченко. — К., 2008.

Матеріали досліджень

Investigation of the Ukrainian Famine 1932–1933, Report to Congress [of the United States]. Commission on the Ukrainian Famine. Adopted by the Commission. April 19, 1988. — Submitted to Congress. April 22, 1988. — Washington, 1988 (переклад матеріалів Комісії див.: Великий голод в Україні. Звіт конгресово-президентської Комісії США з дослідження Великого голоду в Україні. Виконавчий директор Комісії Джеймс Мейс. Том IV. — К., 2008).

International Commission of Inquiry into the 1932–1933 Famine in Ukraine. The Final Report, 1990 (переклад Звіту Комісії див.: Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932–1933 годов. Итоговый отчет, 1990 г. — К., 1992).

Дослідження

R. Conquest. The Harvest of Sorrow. — New York–Oxford, 1986 (переклад дослідження див.: Конквест Роберт. Жнива скорботи. Радянська колективізація і Голодомор. — К., 1993).

Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. — К., 1990.

А. Грациози. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне: 1917–1933. — Москва, 2001.

Командири Великого голоду. Поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ 1932–1933 рр. / За ред. В. Васильєва та Ю. Шаповала. — К., 2001.

Голод 1932–1933 років в Україні: причини і наслідки. — К., 2003.

Famine in Ukraine 1932–1933: Genocide by other means / Ed.: Taras Hunczak and Roman Serbyn. — New York, 2007.

С. Кульчицький. Чому він нас знищив? — К., 2007.

С. Кульчицький. Голодомор 1932–1933 рр. як геноцид: труднощі усвідомлення. — К., 2008.

Є. Захаров. Чи можна кваліфікувати Голодомор 1932–1933 років в Україні та на Кубані як геноцид? — Харків, 2008.

Джеймс Мейс. Ваші мертві вибрали мене. — К., 2008.

В. Марочко. Геноцид українців. Творці Голодомору 1932–1933 рр. — К., 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.	3
Геноцид и преступления против человечности.	4
Характерные признаки геноцида	5
Наличие намерения сталинского режима организовать Голодомор в Украине.	8
Объект преступления — украинская нация	17
Количество жертв преступления и демографические потери Украины	31
Механизм осуществления Голодомора: его организаторы, исполнители и соучастники	35
Вопросы ответственности за совершение Голодомора и преодоления его последствий	39
БИБЛИОГРАФИЯ.	45

Научное издание

Василенко Владимир

**ГОЛОДОМОР 1932–1933 ГОДОВ В УКРАИНЕ
КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ГЕНОЦИДА**

Правовая оценка

Редактор *О. П. Веремийчик*
Корректор *Т. Е. Северина*
Верстка *Ю. Ю. Попсуенко*

Подписано к печати 13.04.2009. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Verdana. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,79. Уч.-изд. л. 2,65. Тираж 4000 экз.

Видавництво імені Олени Теліги
Реєстраційне свідоцтво № 21638468, видане 15.02.1995
01010, Київ, 10, вул. Івана Мазепи, 6